

К. И. ХОДОВА

ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

(На материале славянских падежей с предлогами)

1. В сфере славянского имени существительного есть обширная область, где явственно прослеживаются семантические различия того типа, который принято называть противопоставлениями. Это — область преимущественно пространственных отношений, выражаемых предложно-падежными формами.

Преобладающим способом выражения отношений имен существительных к другим словам в славянских языках служат беспредложные падежи. Основные грамматические отношения выражаются с помощью морфем, поэтому славянские языки — синтетические по преимуществу. Однако «синтетизм» в чистом виде, выражение всех отношений внутри предложения одними лишь формами слова, не свойствен ни одному из славянских языков. Отношения, выражаемые именами существительными, могут передаваться и другими средствами: падежными окончаниями в соединении с предлогами, падежными окончаниями в соединении с глаголами-связками или предикативными словами.

Соединение падежного окончания с предлогом — предложно-падежная или аналитическая форма имени — моложе синтетической формы. На древнейшей стадии существования индоевропейского предлогов как таковых не существовало: были самостоятельные слова наречного типа, которые в сущности, не соединялись ни с существительными, ни с глаголом, но относились ко всему предложению¹. Со временем эти словечки стали объединяться либо с существительным, либо с глаголом; в общеславянском уже существовали предложно-падежные формы².

Соединение падежной формы имени существительного с предлогом восполнило семантическую недостаточность падежной флексии, особенно ошутимую при выражении пространственных отношений. Предлоги сделали более четкими, дополнили и усилили значения, выражавшиеся ранее исключительно с помощью падежных форм, действуя в комбинации с этими последними. Совсем недавно на материале старославянского языка оказалось возможным обнаружить, что в сфере пространственных отношений, в условиях максимальной свободы от ограничений в лексике сочетающихся имен существительных и глаголов наблюдается максимальное количество различающихся по значению форм имени существительного. Почти каждая предложно-падежная форма выступает здесь в качестве одного из членов противопоставления, или, иначе говоря, в большинстве случаев граница члена семантического противопоставления не заходит далее зна-

¹ См. об этом, например, в следующих работах: А. Мейе, Основные особенности германской группы языков, М., 1952, стр. 131; О. Гуйе р, Введение в историю чешского языка, М., 1959, стр. 32; И. М. Тронский, Очерки из истории латинского языка, М., 1953, стр. 94—95.

² А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 370—371.

чения одной предложно-падежной формы. В тех рамках, в которых предложно-падежные формы выступают в своих особых семантических значениях, присутствие одного члена исключает присутствие другого³.

В области выражения пространственных отношений значения именных форм этого типа максимально разграничиваются именно потому, что здесь они максимально нагружены семантическими дифференциальными признаками, выявляемыми путем противопоставлений. В других же — специальных — употреблениях семантические оппозиции больше не имеют возможности функционировать. Значения падежей с предлогами теряют здесь свои семантические дифференциальные признаки, что приводит к свертыванию инвентаря форм в этих условиях, так что ликвидируется необходимость выбора значения, а вместе с тем и связанной с ним формы выражения⁴. Подобно тому как в плане различительных единиц языка существуют фонемы и архифонемы, из которых вторые — более абстрактных единицы, чем первые, так и в области грамматических форм существуют — часто встречаясь совместно в составе одного и того же предложения, употребляясь при одном и том же глаголе — именные формы, максимально наполненные семантическим содержанием, и формы, в разной степени от него свободные.

Функционирование значимых лингвистических единиц, т. е. значений или семем (по крайней мере значений или семем форм имени), оказывается, таким образом, подверженным ограничениям, свойственным для специальных условий употребления, т. е. аналогичным тем ограничениям, которым подвержены различительные единицы — фонемы. Вследствие этого нам кажутся допустимыми поиски аналогий и в способах нейтрализации противопоставлений, осуществляемых, с одной стороны, в смыслоразличительном плане, а с другой — в плане значений грамматических форм (в данном случае именных).

В статье А. Мартине «Нейтрализация и синкретизм», опубликованной в 1968 г.⁵, предлагается обзор типов или случаев проявления нейтрализации противопоставлений для синтагматического плана вообще. Автор статьи подчеркивает целесообразность и плодотворность выявления в позиции нейтрализации типов недифференцированных значимых единиц: ведь таким образом создаются предпосылки для сравнения двух уровней языка. «Если попытаться оправдывать использование понятия нейтрализации по отношению к значимым единицам, указывая на параллелизм с фонемами, — пишет он, — то вряд ли можно достичь значительных результатов при ограничительной интерпретации формулы: „выбор между тем и другим членом больше не имеет смысла“. Следует, как и в фонологии, абстрагироваться от способа реализации недифференцируемой единицы... в позиции нейтрализации. Но даже если мы сделаем такую абстракцию, полезно исследовать, как и выше в случае фонологии, различные типы реализации, с целью выявить на уровне значимых единиц эквиваленты ситуаций, наблюдаемых на уровне дистинктивных единиц»⁶.

Следя аналогии с «планом выражения», А. Мартине устанавливает четыре типа реализации недифференцируемых значимых единиц⁷ (А. Мартине предлагает для них термин «архимонемы», мы же в дальнейшем будем

³ Этот вопрос исследован в книге: К. И. Х о д о в а, Падежи с предлогами в старославянском языке (опыт семантической системы) (в печати).

⁴ К. И. Х о д о в а, Место предложно-падежных форм в структуре предложения (на материале старославянского языка), сб. «Otázky slovanské syntaxe», II, Brno, 1968.

⁵ Перевод см.: ВЯ, 1969, 2.

⁶ Там же, стр. 104.

⁷ Там же, стр. 104—106.

называть их «архисемемами»): 1) в позиции нейтрализации представлена форма только одной из исследуемых единиц; 2) в позиции нейтрализации недифференцированно используются несколько форм, внешне соответствующих противопоставляемым единицам; 3) в позиции нейтрализации наблюдается форма, отличающаяся от форм выражения лингвистических единиц, входящих в оппозицию; 4) при наличии различных позиций нейтрализации, одна из форм, известных в позиции релевантности, манифестируется только в одной позиции, другая — только в другой, причем способ осуществления нейтрализации меняется от одного говорящего к другому.

Задача настоящей статьи заключается прежде всего в том, чтобы проиллюстрировать некоторые из названных А. Мартине типов реализации архисемем на материале значений именных форм — и тем самым показать универсальность этих типов для плана выражения. В этом смысле настоящая статья как бы продолжает ответы, опубликованные во II томе «*Travaux de l'Institut de linguistique*» (Paris, 1957) на вопрос о том, как следует использовать термин «нейтрализация» при обращении к значимым единицам. Кроме того, мы хотели бы обратить внимание на историческую преемственность появления некоторых типов, на их диахроническую связь друг с другом. Именно, в дальнейшем речь пойдет только о двух типах реализации архисемема — константном и вариантном, т. е. первом и втором, по классификации А. Мартине.

2. Понятие нейтрализации может быть действительным только в тех случаях, когда определены позиции нейтрализации или нейтрализующие контексты, т. е. когда отсутствие дифференциальных признаков, обычно присущих некоторым единицам, синтагматически обусловлено.

Семантические противопоставления предложно-падежных форм имени, наблюдаемые в области пространственных отношений, закономерно ликвидируются в условиях, когда эти формы вступают в тесную связь с глаголами, т. е. становятся формами объекта.

Как известно, в качестве управляемых форм имени в славянских языках преимущественно выступают беспредложные падежи. Однако очень рано наметилось стремление поставить управление с помощью предлогов рядом с беспредложным (эта черта была известна еще древним индоевропейским языкам⁸). Можно полагать, что в общеславянском управлении аналитическими формами имени было уже в ходу; во всяком случае, старославянский язык зафиксировал уже множество глаголов, управлявших падежами с предлогами (некоторые из этих глаголов параллельно управляли беспредложными падежами)⁹.

Синтаксическую связь управления, при которой определенные глаголы «избирают» определенные предложно-падежные формы (в отличие от свободной связи с глаголами именных форм в пространственном употреблении), есть основание рассматривать как одно из условий нейтрализации семантических — пространственных — противопоставлений предложно-падежных форм. Управляемая предложно-падежная форма не подразумевает значения, являющегося предметом выбора; это уже не та наполненная содержанием форма, которая отличается по значению от других форм в позиции релевантности противопоставлений, но лишь скрепившийся с глаголом знак управления, формальный морфологический показатель син-

⁸ Об управляемых предложно-падежных формах в древних индоевропейских языках см., например: И. М. Тронский, *Очерки из истории латинского языка*, стр. 206.

⁹ См.: Cz. Bartula, *Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964; A. Sjöberg, *Synonymous use of synthetical and analytical rection in Old Church Slavonic verbs*, Uppsala, 1964.

таксических связей глагола. «Связь глаголов с такими предлогами-приклейками идиоматична. Она кажется немотивированной с точки зрения живых норм синтаксиса»¹⁰. У формы «на + вин.» в пространственном употреблении и у этой же формы в объектном употреблении количество дифференциальных семантических признаков различно. В функции объекта это уже не «на + вин.» (или «е + вин.», или «к + дат.» с их особыми пространственными значениями), но представитель архисемемы нескольких значений (или семем) предложно-падежных форм.

В сфере значений падежей с предлогами разница между количеством дифференциальных признаков для позиции релевантности противопоставлений и для позиции нейтрализации достигает максимума: управляемые формы чаще всего полностью лишены семантических признаков пространственного характера. Совершенно таким же образом А. Мартине трактует форму *fasse* в обороте *il faut qu'il fasse*: он показывает, что эта форма не должна рассматриваться здесь как форма со значением сослагательного наклонения именно потому, что не может в этих условиях быть противопоставленной формам прочих наклонений¹¹.

Может возникнуть вопрос, правомерно ли расценивать как нейтрализацию противопоставлений такое абсолютное освобождение формы от связывавшихся с ней первоначально дифференциальных признаков. На этот вопрос, видимо, следует ответить положительно, поскольку десемантизация наблюдается в четко выделяемых позициях. Представляется, что важно не количество «снимаемых» и «остающихся» признаков, а сам факт неблагоприятности определенных позиций для полного выявления семантических признаков, которые известны в других условиях у той или иной формы¹².

3. Способ реализации архисемемы, который состоит в недифференцированном использовании нескольких разных форм, свободно заменяющих одна другую в позиции нейтрализации (это второй тип в списке А. Мартине), можно наглядно проиллюстрировать материалом старославянского управления¹³.

Известно большое количество глаголов, объектом которых могут служить несколько предложно-падежных форм; варианты параллельных мест старославянских канонических текстов указывают на то, что эти формы объекта могли взаимозаменяться без каких-либо видимых мотивов¹⁴.

Например, объект глагола *сзгрѣшити* в старославянском мог быть выражен формами «на + вин.», «прѣдз + твор.», «о + лок.», «кз + дат.» «кз + вин.» и дат. падежом без предлога: *сгъже сзгрѣшихъ на небо и прѣдзъ товожъ еиcъ тѣмъ ѡбърачѣнъ и кѣи ѡбърачѣнъ сѡу* (Мар. Лука XV, 18); *ѡ нѣхъ же сзгрѣшихъ сѣ* (Супр. 211, 19); *шигте седмькратицежъ днемъ. сзгрѣшихъ ка тѣмъ еиcъ ѡе* (Ассем. Лука XVII, 4) (в Савв. чт. в Мар. — кз тл); *аще же*

¹⁰ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 678.

¹¹ См.: А. Мартине, указ. соч., стр. 109.

¹² Ср. в связи с этим замечание М. Халле: «Хотя Трубецкой определил „архифонемы“ как „совокупность смыслоаличительных признаков, общих для двух фонем“, в своей лингвистической практике он оперировал „архифонемами“, в которых более чем один признак был нейтрализованным» [М. Халле, Фонологическая система русского языка (лингвистико-акустическое исследование), сб. «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 386].

¹³ Для иллюстраций и статистики привлекается материал изданных старославянских памятников: Маринского евангелия (Мар.), Зографского евангелия (Зогр.), Ассеманова евангелия (Ассем.), Саввиной книги (Савв.), Супрасльской рукописи (Супр.), Синайской псалтыри (Син. пс.), Синайского требника (Син. евх.).

¹⁴ К описываемому состоянию кажется близкой такая картина в сфере родственных фонем, когда в определенной позиции нейтрализации, например, для [о — а], «слышится» [о] или [а], наблюдается колебание между [о — а] (см.: М. В. Панов, Русская фонетика, М., 1967, стр. 405).

съгрѣшитѣ къ тебѣ братрѣ твоимъ еіс сѣ (Мар. Мат. XVIII, 15) (в Савв. прѣдѣз товоуж). Последние два примера показывают, что по крайней мере формы «къ + дат.», «въ + вин.», «прѣдѣз + твор.» и дат. беспредложный в смысловом отношении были равноценными: они передавали одну и ту же греческую форму и свободно взаимозаменялись в параллельных местах.

Очень пеструю картину являют собой также управляемые формы глагола *пешти* сѣ: при нем могли употребляться «о + лок.», «при + лок.», «на + вин.». [«за + вин.», «къ + дат.» и твор. беспредложный. Предлагаем, так же как и в предыдущем случае, только некоторые примеры¹⁵: і о одежди что сѣ печете *peri êndûmatos* (Мар. Мат. VI, 28) (в Савв. при одежди); не пацѣте сѣ оубо на оутрѣти. оутрѣни во денѣ совсѣж печетѣ сѣ *eis tîn âurion tâ êzutîs* (Мар. Мат. VI, 34) (в Савв. на оутрѣни); в последнем примере замечательно совмещение двух форм объекта: «на + вин.» и твор. беспредложного. [Форма [«за + вин.» при этом глаголе наблюдается в Супр.: іакоже ѥ за приключѣша сѣ іѣмоу пешти *ôper* + род. (374, 11). Форма «къ + дат.» отмечена в этом же памятнике при отглагольном имени существительном попеченіе: оубз многадо къ ней попечендіа 516, 24).

4. В грамматике вообще гораздо более широко известна такая разновидность управления, когда используется единственная (для определенной позиции при глаголе) форма имени. Собственно, это и есть наиболее типичная разновидность управления — нормальное его состояние, к которому стремятся и на которое ориентируются другие типы. Наряду с беспредложными падежами единственной управляемой формой при глаголе может быть и падеж с предлогом. В современном русском языке такое употребление предложно-падежных форм представлено весьма многообразно (*стучать по столу, стучать в окно, посмотреть на него, числиться за ним, работать за него, заплатить за книгу* и др.).

В старославянском при некоторых глаголах, например, обозначающих удар — *развити*, *заоушити* — в качестве формы одного из дальнейших объектов употребляется только «о + вин.». Этой формой обозначается название предмета, против которого удар направлен¹⁶: *развѣтѣз младенѣца о ка(и)мена ѣдохрѣі тѣ вѣпѣа прѣз тѣн пѣтрѣх* (Син. пс. CXXXVI, 9); не бы къзмогѣз ажкѣвѣи крагѣ... ѡ камаы того *розвити* (Супр. 522, 8); *аште та кто заоушитѣ ѡ деснѣжѣ лнитѣж бкрати іѣмоу ѥ дроугѣжѣ ѣпѣ + вин.* (Супр. 411, 9) (в евангелии в соответствующем месте еще кто та оуддритѣ къ деснѣжѣ лнитѣж — Мар. Мат. V, 39).

5. Старославянский язык дает в руки исследователя материал, позволяющий показать, что константный тип управления пришел на смену вариантному. Обращает на себя внимание широкое распространение вариантного типа в старославянском, что само по себе можно расценивать как свидетельство молодости и неустойчивости грамматической связи управления в этом древнем литературном языке, зафиксированном в период его формирования. Разумеется, нужно принимать в расчет какую-то роль в появлении повышенной дублетности известных внешних обстоятельств, а именно, переводного характера большинства старославянских текстов.

¹⁵ Об управлении глаголов *съгрѣшити* и *пешти* сѣ см. также: А. Sjöberg, указ. соч., стр. 7 и 47.

¹⁶ R. Tǫi o t p h e, *Ob slave*, сб. «Славянская филология», I, М., 1958, стр. 79—80.

Отсутствие для ряда глаголов установившейся формулы управления частично, вероятно, происходило от столкновения двух образцов управления: разговорного славянского образца, родного для переводчика, и греческого образца подлинника. Во всяком случае, аналогичная картина неустойчивости и разнообразия в выборе форм объекта для одного и того же глагола наблюдается в диалектах, когда местные образцы управления приходят в соприкосновение с отличающимися от них образцами литературного языка¹⁷.

И все же главная причина отраженной языком картины в области управления — молодость самого этого типа синтаксической связи для древнего славянского языка, первые шаги управления, в особенности предложно-падежного, на славянской почве.

6. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, наиболее существенные диахронические процессы, характеризующие становление языковой нормы, — это освобождение языка от многофункциональности, синкретичности и дублетности¹⁸. Материал старославянского управления открывает картину перехода от недифференцированного использования разных форм объекта при глаголе, от немотивированной взаимозаменяемости управляемых форм (дублетности) к константному типу управления. Промежуточным звеном перехода от одного типа к другому, — а также и самой причиной этого перехода — нам представляются такие случаи, когда среди нескольких форм объекта выделяется статистически преобладающая форма.

Рассмотрим глаголы с несколькими формами объекта, одна из которых наиболее заметно выступает на первый план по количеству случаев употребления. С глаголом оупъкати употребляются «на + вин.», «кз + вин.», «кз + дат.», «о + лок.» и твор. беспредложный. Преобладающей формой является «на + вин.»; весьма характерно, что этой формой переводятся различные формы имени греческого оригинала, что указывает на ее авторитетность, на предпочтение этой формы другим формам, вопреки возможным внешним влияниям. Чаще всего, — в сорока девяти случаях — этой форме соответствует «ἐπί + вин.» греческого оригинала, как это имеет место в следующем примере:

Дѣбро естъ оупъкати на гѣ. неже оупъкати на кнѣзѣа (Син. пс. СХVII, 9); в двадцати трех случаях в греческом «ἐπί + дат.», например: Ѡзъ же на гѣ оупъкѣхъ (Син. пс. XX X, 8), в пяти случаях в греческом εἰς, например, на негоже кѣ оупъкѣсте (Мар. Ио. V, 45); в двух случаях ἐν, например, ꙗ на нма его ѣзѣи оупъкѣштъ (Мар. Мат. XII, 21); один раз — «ἐπί + род.»: ѣли бупъкѣштѣ на нѣ (Супр. 104, 8); в девяти случаях оригинал не обнаружен. «Кз + вин.» при глаголе оупъкати отмечается в одном случае: кз ѣма стѣе его оупъкѣхомъ ἐν (Син. пс. XXXII, 21). «Кз + дат.» отмечается также только в одном случае: ꙗ тебѣ бупъкѣхомъ ѡ не постыдѣхомъ сѣ ꙗ (Супр. 77, 28). Форма «о + лок.», отмечена при

¹⁷ Этот вопрос исследуется, например, в работе: В. А. И в а н о в а, Особенности управления некоторых глаголов в русских говорах, «Материалы и исследования по русской диалектологии», 2, М., 1961, стр. 140—149.

¹⁸ См., например: Д. С. У о р с, Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке, сб. «Новое в лингвистике», II; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Измерения в системе словосочетаний», М., 1964; М. В. П а н о в, Синтаксис, «Русский язык и советское общество. Проспект», Алма-Ата, 1962; Д. Н. Ш м е л е в, Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964.

имени существительном оупызание: Помыни слоко ткосе раба тбоого. О немлже мнѣ оупызание далз еси (в греческом дат. без предлога) (Син. пс. СХVIII, 49). Известно управление твор. беспредложным: оупызаште копѣцкыймз хосомз. ѿ голѣнѣми скыйми (в греческом дат. без предлога) (Супр., 31, 6); ср. также Супр. 158, 19; 155, 10.

Объект действия при глаголе кѣрскати выражался формами «кз+вин.», «кз+дат.», «с+лок.», «на+вин.» и дат. беспредложным. Преобладающая форма объекта — «кз+вин.»; она отмечена 67 раз. В оригинале в 50 случаях ей соответствует еіс, в одном — ѣв, в одном — прѣс, в четырех — беспредложные формы, в десяти случаях оригинал отсутствует. Некоторые примеры: мзюзи кѣрскаша кз іма его еіс (Мар. Ио. II, 23); толика же зна(ме)нѣ сзткорашю емоу прѣдз ннми. не кѣрскашж ко на еіс (Мар., Ассем. Ио. XII, 37) (емоу — Зогр.); да кзакз кѣрѣаі кз на. не погынетз еіс (Савв., Ассем. Ио. III, 16) (на на — Мар.); канте са и кѣроуите кз екиѣне ѣв (Марк. I, 15); Глагше же нс кз кѣрскзшнмз кз на нудеомз прѣс (Мар., Зогр. Ио. VIII 31), (кѣрскзшнма кз немоу — Ассем.)

Показателен пример с соседства при одном и том же глаголе предложно-падежной и беспредложной форм: понеже не кѣроуетз кзкрѣшеню. нн кз сѣжжз тронцж (Син. евх. 66 в 18).

С оборотом кѣрж ѣти форма «кз+вин.» отмечена два раза в соответствии греческому еіс: кто еста гн. да кѣрж имж кз него (Мар. Ио. IX, 36); кзси кѣрж имжтз кз нз (Мар. Ио. XI, 48).

«Кз+дат.» с глаголом кѣрскати встречается 16 раз. В греческом этой форме также чаще всего соответствует еіс. В пяти случаях «кз+дат.» передает греческую беспредложную форму, в одном — «ѣпѣ+вин.», в одном — прѣс, в двух оригинал отсутствует. На пример: бѣжкшгта пѣнннн бжнн кѣрѣ іемз. ѿ кѣроуж кз господоу сзткорашюмоу кзса еіс (Супр. 139, 27); блаженіе во то на ны [прѣдетз. кз не видѣкзшнмз ѣго и кѣрскзшнмз кз немоу «ѣпѣ+вин.» (Супр. 506, 12). Характерен пример употребления в одном и том же контексте двух предложно-падежных форм выражения объекта: ма оубо кѣроуіемз кз вога сзткорнзшадго небо ѿ землж. ѿ не кѣроуіемз кз члокѣкоу тѣлѣннноу (Супр. 258, 10). Форма «с+лок.» при кѣрскати отмечается в пяти случаях; два раза ею переводятся греческие конструкции «ѣпѣ+вин.», один раз ѣв, один — «перѣ+род.», один раз — дат. беспредложный. Форма «на+вин.» встретилаь один раз в Маринском кодексе в тексте евангелия от Ио. III, 16, где в параллельных местах в соответствии с ней наблюдается «кз+вин.» (см. выше). Что касается дат. беспредложного при этом глаголе, то его значение в некоторых конструкциях отличается от значения «веровать во что» и стоит ближе к русскому «верить чему» (ср., например, кто кѣрса слоухоу нашемоу — Супр. 436, 5). Однако специализация этих форм не завершена: во многих примерах формы без предлога образуются от тех же имен существительных, что и формы с предлогом (например, кѣроуж вогу — Супр. 4, 19; кѣроуіект во вогу — Супр. 12, 13).

Как видно из этих материалов, количественные различия в употреблении разных форм объекта при одном и том же глаголе могли быть весьма существенными. Наиболее употребительная форма в то же время весьма жизнеспособна: она уверенно преодолевает влияние греческого образца (формой «кз+вин.» при глаголе кѣрскати в четырех случаях переведены греческие беспредложные формы!). Выявленное соотношение предопреде-

ляет (или могло бы предопределить) дальнейшую историю конкурирующих форм: единственной формой объекта при каждом из глаголов в дальнейшем должна была бы стать именно та, которая на данном этапе развития численно преобладает над прочими.

7. Управление, по крайней мере предложно-падежное, как вид синтаксической связи, при которой употребление определенной формы косвенного падежа имени существительного с предлогом обусловлено лексическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова — может быть истолковано как результат нейтрализации противопоставлений конкретных, пространственных значений предложно-падежных форм. Таким образом, не только отдельные явления грамматики, которые разобраны в статье А. Мартине, но целая область грамматических отношений, распространеннейший вид синтаксической связи между глаголом и именем по своей внутренней сущности являет собой эквивалент некоторых ситуаций, наблюдаемых на уровне дистинктивных единиц. Более того, в области управления обнаруживаются переходы от одного типа осуществления нейтрализации к другому, а именно, от вариативного к константному (и если в области значений уместно использовать понятия, «которые были созданы фонологией и для фонологии», то, *vice versa*, нельзя ли и в фонологии обнаружить переходы от одного способа нейтрализации к другому, подобные тем, которые мы только что видели в области грамматической семантики?).

8. Изложенное понимание функциональной природы предложно-падежного управления ставит на более твердую почву также и общую проблематику славянских падежей. Еще А. Мейе констатировал, что «теория употребления падежей — одна из наименее разработанных частей индоевропейской грамматики»¹⁹. Картина существенно не изменилась и в наше время, почти через пятьдесят лет с тех пор, как были написаны эти слова²⁰.

Кажется, нет оснований сомневаться в том, что значения беспредложных падежей шли по такому же пути развития, что и значения падежей с предлогами, — только первые вступили на этот путь и прошли его раньше, чем вторые. В области беспредложных падежей процесс перехода свободно употреблявшихся форм, значения которых, можно полагать, были некогда организованы в систему, в сферу форм управляемых продвинулся значительно дальше, чем аналогичный процесс у предложно-падежных форм: основная функция беспредложных падежей — объектная. И общепринятое описание дистрибутивных характеристик управляемых беспредложных падежей — это как раз и есть описание условий, в которых произошла у этих форм нейтрализация семантических противопоставлений пространственного плана.

¹⁹ А. Мейе, *Общеславянский язык*, стр. 371.

²⁰ Ср. замечание Н. Ю. Шведовой: «Нельзя считать разрешенной и проблему падежа существительного. До сих пор нет единого мнения по вопросу о том, к какому разделу грамматики — морфологии или синтаксису — следует отнести анализ функций падежных форм; не решен вопрос о наличии у падежной формы своего (морфологического) значения» (Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин, И. У. Улукханов, В. А. Плотнокова, *Изучение грамматического строя русского языка*, сб. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, стр. 297).